

## Энтропия

Ещё, казалось бы, какое-то мгновение тому назад, Слава способен был вспомнить, что происходило что-то важное, вероятно, довольно неприятное и опасное, но сейчас в его как-то резко забывшем самого себя разуме, от всех воспоминаний остались только смутные ощущения, похожие на бледные колышущиеся тени. Он помнил, что ему, по какой-то причине, было плохо и тяжело - но больше не мог вспомнить ничего. Да и эти-то воспоминания, казалось, он оставил в каком-то другой, параллельной реальности.

Периодически у Славы в голове, будто бы передразнивая ту его часть, которая напряжённо вспоминала только что произошедшие события, вспыхивал ослепительным бенгальско-сварочным огнём какой-то образ под странным ракурсом, но вся проблема была именно в кратковременности появления этого образа, так что его никак не удавалось разглядеть внутренним взором.

Наконец, он оставил все попытки что-либо понять и решил предаться воле происходящего. А происходило с ним вот что: Слава резко нёсся по какому-то тёмному туннелю, то и дело резко заворачивающего в самых наименее ожидаемых направлениях, издавая противный свистяще-звонящий звук, представлявший собой нечто среднее между звуком резко спускаемого воздушного шарика, лязгом тормозов электрчки и звоном маленьких бубенчиков, какие раньше очень любили вывешивать на тройку лошадей знатные представители элитарного high-end community точно так же, как сейчас порою вешают сирены на свои многомиллионные катафалки-вездеходы. Причём вездеходом этот особый вид олигархического транспорта делали отнюдь не чудеса инженерной мысли производителей автомобилей, а исключительно общепринятое в России соглашение, касающееся возможности проезда их владельцев где угодно, когда угодно и - за редким исключением - куда угодно.

Такие мысли посетили Станислава во время движения по туннелю. Да это и не мысли вовсе были, а, скорее уж, непередаваемо непередаваемые осознания, происходящие мгновенно и мгновенно же уходящие вникуда. Делать во время полёта по таинственной трубе было всё равно особо нечего, поэтому приходилось находить возможности развлечься самостоятельно. Труба была странная - она не окружала со всех сторон, а выходила прямо из центра поля зрения, размазываясь по краям, словно бы растягиваясь из непомерно эластичного листа

пластика, состоявшего из буровато-красноватых, под цвет яшмы, и зеленовато-лиственных треугольников и линий, вращавшихся калейдоскопически, точно плотность этой вронки определялась только постоянным движением ни на мгновение не останавливающихся узоров.

Наконец, впереди забрезжил свет. Но туннель постоянно заворачивал в разные стороны, складывая отчётливое ощущение американских горок, что Слава никак не мог уловить, в какой именно стороне этот свет находится, и не было никакой возможности сконцентрировать на внимание на мягкости притягательного свечения. Возникал удивительный парадокс: любой объект, неожиданно возникающий в поле зрения сохранял свою относительную стабильность лишь до тех пор, пока на этом объекте не концентрировалось внимание. Зато стоило лишь едва задуматься об увиденном - и увиденное уже нигде невозможно было отыскать. А когда для Станислава стал очевиден этот принцип, он просто перестал о чём бы то ни было думать - и окружающий мир тотчас обрёл невозможную чёткость и ясность мелких деталей, а свет стал стремительно приближаться.

Спустя ещё неведомое время, длившееся от доли секунды до тысячи лет, его вдруг втянуло в ослепительное сияние, за которым это самое удивительное время, издав прощальный вздох где-то в области лба и прокатившись горячей вибрацией волны вдоль спины, неожиданно перестало существовать. Точнее, какая-то часть сознания Славы понимала, что время до сих пор существует, но всё его естество оказалась настроена против чувства времени - и оно подчинилось, лишив смысла самое себя. Так ящерица сбрасывает шкуры, эльф восьмидесятого левела вдруг на миг понимает, что находится в нигде, а дети разочаровываются в существовании доброй зубной феи. Вот точно такое же чувство вдруг испытал и Станислав, полностью разочаровавшись во времени и даже как бы слегка обидевшись на него за то, что время столько лет обманывало и показывало иллюзорную самость, и лишь теперь только отважилось раскрыть свое истинное пустое лицо.

Яркий белый свет, которого, в конечном итоге удалось достичь, оказался совсем не тем, чем он казался - здесь не было никакого залитого свечением пространства, а сияли только врата, издали напоминающие портал в иное измерение. По сути, так оно и было. Слава летел теперь на огромной скорости через тёмно-синее пространство, оставив ослепительно-белый хвост туннеля где-то далеко

позади, только не мог никак обернуться и посмотреть назад, точно у него не было шеи. Наконец, когда он уже перестал желать обернуться, это всё-таки удалось каким-то невнятным и невыразимым на словах усилием воли, но туннель уже успел каким-то мистическим образом исчезнуть. Зато стремительно-сверхзвуковое движение как-то резко затормозило, а затем и вовсе остановилось.

Поскольку в голове не было никаких мыслей, то вокруг начали материализовываться цепочки образов - распухали папоротники, летали двухголовые быбочки, непонятно откуда появился бабушкин комод с глазастым садовым гномиком изнутри. Гномик открыл широченную пасть и, словно пылесосом, втянул комод внутрь себя, а на его месте неожиданно появилась прыгающая рыжая обезьяна, покрытая густой свалявшейся шерстью.

Вдруг Слава ощутил на себе пристальный взгляд со стороны. Повернувшись, он увидел странно одетого человека в расписных восточных одеждах из солнечного бархата, отороченного мехом и расшитого золотой вязью. В руке человек держал книгу, на обложке которой значилась странная надпись “Бардо Т...” Больше ничего разглядеть не удалось, поскольку оставшуюся часть надписи надёжно скрывала рука чужеземца, а спрашивать, что это за таинственный такой “бардот” было как-то невежливо. Подумав, почему-то, что книга содержит подробные инструкции по изготовлению разных вин из бармаглов, Станислав решил обратиться к человеку, но не сразу нашёлся, что спросить, а когда всё-таки нашёлся и задал тупой вопрос: “Вы не подскажете, а как нужно ходить до выхода, если там уже тепло?”

Но человек ничего не ответил, только поднял указательный палец, подержал его, словно бы указывая на небо, бывшее, к слову сказать, всё тем же синим пространством. Потом человек поднёс палец к губам и медленно, но настойчиво произнёс шипящее “Тссссс”, и в сию же секунду стало вдруг понятно, что пространство имеет свои границы, хоть их и не видно. Интересно, что же за ними? Границы вовсе не были твёрдой стеной, через которую невозможно пройти - как раз наоборот - здесь ещё оставалось что-то, а зато за границами синевы было уже ничто и, если идти за её пределы, то само существование становится всё более и более разреженным, точно высокогорный воздух, а затем существование и вовсе превращалось в настолько незначительную вероятность, прекращая уже само себя и уходя в космос абсолютной вероятности, единственное состояние которой - это быть бесконечной в количественном плане и никогда не реализующейся.

Затем чужестранец жестом пригласил следовать за собой. Идти казалось занятием, лишённым смысла - в синеве не было ровным счётом никаких ориентиров, за которые можно было бы зацепиться, поэтому такой способ передвижения напоминал бег на месте, точно в страшном сне или на тренажёре. Пока человек шёл, его внешность медленно, но верно преображалась - это невозможно было не заметить даже со спины - он необычайно вытянулся, его солённый халат погас, как плавно, немного печально и флуорисцентно гаснут диодные лампы, а вместо плаща выросла длинная хламида-плащ с капюшоном, отдалённо напоминающая не то рясу священника, не то костюм палача. На голове образовалась широкополая соломенная шляпа, а на ногах - красные сапоги с загнутыми носками, смотревшиеся на подростке чужестранце довольно забавно, архаично и, в то же время, архетипически-жутко.

Когда человек обернулся, то Слава увидел крайне бледное, как стена, вытянутое и измождённое лицо мужчины лет сорока с намёком на морщины и восковую мумификацию. Взгляду совершенно неожиданно открылась река с лодкой на берегу, которую, по-видимому, и предстояло пересечь. Славе ничего не оставалось, кроме как сесть в лодку и начать грести, когда неведомая, но грозная сила притянула лодку обратно к берегу. На сей раз чужеземец сам сел за вёсла и неожиданно оказался довольно словоохотлив: “Вот теперь, когда все в сборе, то можно начинать. Вот ты, Станислав, думал когда-нибудь, что такое река и почему мы по ней плывём? И что в реке самое главное? “

- Наверное, вода, без неё бы это никакая не река была бы, а просто высохший овражек, - ответил я, сам сомневаясь в сказанных словах.

- А вот тут ты и не прав. В реке самое главное - это не вода. Высохший овраг - это тоже на самом деле река. Только воздушная. Но никогда бы не существовало никаких рек, если бы у них не было берегов. Только беда в том, что берегов-то никаких и не существует, они нам всем только кажутся для того, чтобы логично объяснить самим себе существование рек.

Вот вы всю жизнь плывёте по реке, отталкиваясь от одного берега и тщетно сиюсь достичь другого. И сколько бы вы ни старались, у вас это никак не получается. А всё только потому, что, на самом деле, берег у реки всегда только один, а второй - просто отражение первого, и именно поэтому у вас так ничего не получается. Когда вы все отталкиваетесь от берега и начинаете плыть вглубь реки, то, чем больше плывёте, тем оказываетесь дальше от берега, потому что самым верным шагом для вас было бы вообще не сходить со своего берега,

ведь на нём начинается, заканчивается и замыкается ваше путешествие.

Какой смысл и какая цель в том, чтобы снова оказаться, потратив массу усилий, там же, где и начинали свой путь? Поэтому реку невозможно переплыть в принципе - можно лишь исхитриться ради самих себя и заставить мыслить всеми извилинами, будто вы переплыли реку. Это мы с тобой в настоящее время как раз и пытаемся сделать. И, несмотря на то, что берег только один на самом деле, он каждый раз будет разным на вас - и вовсе не потому, что он действительно разный. Просто разум, ожидая увидеть что-то другое, и впрямь видит что-то другое и под другим ракурсом - то, чего раньше просто не мог заметить.

То, что ты увидишь на своём другом берегу зависит только от того, каков ты сейчас. Поэтому я не знаю, куда мы приплывём - предвидеть это можешь только ты сам. А учитывая, что на единственном берегу ничего нет из-за отсутствия берега в действительности, то столь ли уж большое значение имеет то, что там произойдёт там с нами?

- А что мне делать дальше, когда мы пересечём реку, если нам всё-таки это удастся? - решил поинтересоваться Слава, действительно не имея никакого представления о дальнейших действиях.

- Об этом не принято говорить в пути - тогда есть шанс, что мы так никуда и не приплывём. Будем действовать по обстоятельствам.

- А зачем ты меня туда везёшь?

- Я твой персональный экскурсовод, если так можно выразиться. Младший сопровождающий. Я показываю таким, как ты, как уходить и чего ожидать - просто чтобы не возникло никаких проблем в дальнейшем.

- А какие проблемы могут возникнуть?

- Например, если ты застрянешь где-нибудь на веки вечные. Реку не переплывешь, опять-таки.

Слава замолчал, уловив в словах экскурсовода иронический оттенок. На другой несуществующей стороне несуществующего берега, которого удалось достичь часа через три упорной борьбы вёслами с поверхностью реки, оказались странные развалины металолома на красновато-пустынной поверхности, точно лодочник привёз Славу на свалку машин и какой-то заводской техники, но, приглядевшись, герой понял, что не имеет ни малейшего представления об этих механизмах и их предназначении.

Всё выглядело очень старым, если не сказать - старинным, точно все эти механизмы были ещё изготовлены в романтически-инженерную эпоху паровых машин. Составляющие части механизмов казались

вполне обыденными, но в таком сочетании наблюдать их ещё не доводилось никогда.

Выйдя на берег, лодочник вдруг превратился в трёхголового снежного барса. Точнее, даже не превратился - он всегда барсом и был, просто видеть в нём человека было, пожалуй, привычнее, а теперь это восприятие через “показалось” перестало быть эффективным - действовала иная энергия иного берега, вещи постепенно начинали обретать свой естественный облик, как будто Слава просто потряс головой, сбрасывая с себя наваждение.

- Поспеши, сейчас начнётся твой суд машин, - прохрипел барс, еле выговаривая слова. Это показалось странным, думалось сначала, что он будет разговаривать ясно и чётко.

И действительно, Станислава подхватили два довольно крупных вихря белого ветра и понесли куда-то в самую сердцевину удивительного поля ржави. Там его уже поджидал трёхголовый барс, разросшийся до размеров подъемного крана. В зубах одной головы он держал чашу весов, увеличившуюся до размеров довольно крупного хоккейного ледового дворца, а в другой - ещё одну такую же чашу.

Ржавые роботы со свалки оживали и приносили на одну чашу плоды маниоки, книги, ссыпали горкой светящиеся радиоактивным блеском философские камни, склянки с флогистонем и какие-то кактусы. То, что это именно философские камни, а едко пахнущая даже сквозь закрытую крышки жидкость - это именно флогистон, Слава понял как-то сразу, внезапно и без каких бы то ни было объяснений со стороны. Осознание было похоже на лёгкий разряд электричества, прокатившийся в облисти шеи - и уже не оставляло никакого пространства для сомнений, заполняя этот буфер критики в голове Славы своей, не терпящей возражений, фактичностью. А вот насчёт кактусов Станислав не был столь уж уверен во всём. На другой чаше весов лежала россыпью картошка, холсты ткани, коробочная пачка кирпичей и звенящие монеты. Весы пребывали в равновесии.

- Теперь становись на каждую из чаш весов, - проговорила третья голова барса.

Устроившись поудобнее на чаше-стадионе, Станислав заметил, что чаша поползла вверх. Причём выше и быстрее она поползла на чаше в маниокой. Было в этом что-то чудное, неправильное. Он вопросительно уставился на свободную от весов голову барса.

- Всё правильно, так и должно быть. У тебя здесь пока что отрицательный вес - ты не прибавляешься сам к тем вещам, которых касаешься, а наоборот, вычитаешь свой вес из их веса. Если бы

оказалось иначе, то я считал бы свою миссию выполненной и можно было бы ни о чём не беспокоиться ни тебе ни мне, но сейчас, как и заведено в Причине, у тебя другой путь. Совсем другой - и я должен сопровождать тебя и по этому пути.

Вскоре барс с Анатолием, пройдя свалку машин насквозь, оказались над бездонной пропастью, внутри которой пылал огонь. Над пропастью был прокинут тонюсенький канат, по которому, как понял Слава, ему и предстояло пройти.

- Ты весь трясешься. Успокойся и ступай - тогда пройдёшь элементарно, чем больше будет свой страх, тем тоньше будет становиться канат. Если ты будешь предельно спокоен и нейтрален к происходящему, то шанс не упасть у тебя ещё есть. И знай - дальше я не пойду. Не потому, что боюсь, а только потому, что это вовсе не моя стихия. Я не вижу ни пропасти, ни каната - поэтому не могу перейти в несуществующее для меня. Если я, даже всего лишь одним прыжком и смогу преодолеть то расстояние, которое тебе предстоит пройти, то я останусь именно здесь, а не там.

Слава вздохнул. В этом мрачноватом месте оставаться одному никак не хотелось. Тем не менее, он сделал всего лишь один-единственный даже не шаг, а так, шажок по канату - и тот вдруг развернулся подвесным мостом. Без труда перейдя мост, он увидел, насколько сильно всё изменилось вокруг - теперь уже не было никакой тёмной синевы, а лишь подобие шара, по стенкам которого сползали образы так, как если бы наш герой находился в каком-то высокотехнологичном батискафе, вся внутренняя поверхности которого напомина бы жидкокристаллический дисплей.

По поверхности дисплея сквозили разные образы - Слава разглядел подгоревшую буханку хлеба, из которой, точно букет экибаны, торчат вверх подсохшие осьминожки конечности. Буханка вдруг начала оплавляться, как мгновенно растапливаемая свеча и превратилась в лицо старика с закрытыми глазами, напоминавшее некогда очень известный в нашей стране символ телекомпании "Вид". Лицо вдруг пересекла толстенная линия трещины, а затем оно и вовсе расколосось, как бы снявшись с двух сторон одновременно, как будто голова была собрана из крупных кирпичиков лего. Эти две половинки посмотрели друг на друга в профиль, точно два не особо опрятных и эстетичных человека глядели бы друг другу в глаза, нос к носу, однако в анфас в соединении этих двух половинок всё ещё угадывалось лицо старика. Из разлома сначала вспыхнуло пламя, точно из газовой форсунки, а затем оно уплотнилось в ленту ало-малиново-оранжевого цвета и, выползая,

лента начала раскручиваться против часовой стрелки, заматывая все три типа лиц в плотный гусеничный кокон из которого вскоре вылупился одноглазый волк.

Присмотревшись повнимательнее, Станислав понял, что находится где-то в глубинах моря, очень больших глубинах. И, одновременно, почувствовал, что в груди что-то мешает. Приподняв майку, он вдруг увидел на груди у себя книгу, намертво вросшую в плоть. Как только он заметил книгу, та ошетибилась всеми своими страницами и принялась пролистываться. Сначала этот процесс происходил достаточно медленно, но, со временем, он лишь ускорился и ускорился, набирая обороты. Через некоторое время Слава увидел, что на книгу намотаны тончайшие золотистые нити, по которым катятся сквозь страницы жёлтые пластиковые шарики, похожие на витаминки. При каждом таком перевороте страницы предыдущий шарик уходил вникуда в уже просмотренные страницы, а из ещё неизведанных страниц всё продолжали и продолжали выкатываться новые шарики.

Вместе с пролистыванием страниц, которое невозможно было никак остановить, менялся и мир. Казалось, что меняется совсем немного - некое качество реальности, всегда присутствующее в нас, но к которому человечество так и не сумело подобрать никаких слов, обозначений, наименований и описаний просто потому, что осознание этого чувства появляется у нас вовсе не тогда, когда мы ощущаем его, а когда это чувство в нас исчезает или как-то меняется. Мир, похожих как один, оказалось в книге очень много, и пока Слава пытался все эти ощущения осознать и уловить, он вдруг понял, что и является тем самым батискафом с поверхностью-экраном, внутри которого сам же и сидит. Он ощутил бодрый ледяной поток на дне моря, где находился, как каждую свою заклёпку, каждый пиксел на экране себя, каждый элемент электроники. А самым странным было ощущение Славой самого себя в теле человека, сидящего внутри себя в теле батискафа.

Вдруг всё вокруг словно бы взорвалось на осколки, и нашего героя выкинуло на светлую поверхность, на которой стоял бомжеватого-пролетарского вида мужик с огромной бородой, то ли как у старика Хоттабыча, то ли как у исламских экстремистов и их полевых командиров. Мужик сидел на пне и хмуро осматривал всё вокруг.

- Ты явился ко мне за советом, не так ли? - произнёс этот экстремистский Хоттабыч.

- Кто ты, и что здесь делаешь? - поинтересовался Слава у этого странного человека.

- Я - богиня Калипсо. Живу здесь, помогаю таким вот заблудшим



душам сориентироваться в их новой и, одновременно, такой старой и вечное реальности.

- А почему это ты с бородой, богиня?

- У человечества сейчас весьма превратное представление о реальности, красоте, ценностях и знаниях. Иметь такой облик - это лучший из единственного способа укрыться от их тяжкого довлеющего внимание, их безумия, бесконечной по глубине и нескончаемой по времени глупости, коварства и тщеславия. Я накидываю покрывало на их мирок - и они рады моему домотканному лоскутному одеялу, их сознание - это мой конструктор, но довлеющие сторонние силы слишком быстро превращают мой дворец сознания и лачужку бестолковости. Всё, что люди думают, видят, слышат, ощущают - это код моего сочинения.

Послушай небольшую историю и ты поймёшь. Когда-то, когда не было ещё ничего однозначного, элементы этого неоднозначного сложились случайным образом, соединившись между собой, став однозначным нечто или чем-то определённым. Когда одни элементы случайно соединённые форм отражались в других формах, то воспринимали статичность их случайного беспорядка за порядок. Со временем, этот процесс лишь усложнялся - а люди постарались довести его до совершенства.

Проблема здесь в том, что порядок, даже очень сложный и продуманный, состоит всё из тех же паттернов хаоса и существует только в том случае, если одно соединение паттернов посмотрит на другое их соединение. А в мире ничего не изменилось - есть лишь хаос в высшей степени, общезначимая-показательная энтропия, рождающая порядок в отражениях самой себя. Именно на страже хаоса я и стою, создавая всё более новые и совершенные способы создавать иллюзию одного порядка для другого порядка. Можно сказать, я и есть тот самый хаос, без которого нет движения, нет развития, нет ничего - и именно поэтому я должна поддерживать в людях неведение - они слишком прагматичны, и если им удастся приоткрыть завесу, то будут способны порождать всё новые и новые ложные порядки, нарочито и бездумно вмешиваясь в алгоритм мироздания.

И в поле моего излучения люди никуда не денутся от своего маленького “порядочка”, чем сохранят мой естественный и первозданный “беспорядок” распадающихся миров. Но их сознание...если они не умозрительно, как ты сейчас, а каждым атомом своего существа ощутат первозданный хаос, то станут слишком опасны и безумны, либо погибнут сами. Вижу, ты должен идти, а я тебя

задерживаю. Эх, помогу тебе. Для тебя единственный способ уйти - распасться в хаос отсюда самому. Уж послушай старую Калипсо, а когда ты мне потребуешься, то мы ещё увидимся.

В этот момент Станислав даже ничего не успел спросить - Калипсо уже покрылась тончайшими трещинами и взорвалась вместе с бородой на пыльные осколки. Окружающее сияние внезапно резко и неприятно начало трясти, отдаваясь тяжестью и болью в области его живота. Затем всё погасло. Исчезло пространство, исчез Слава, исчезли ржавые роботы, морская богиня и лодочник-барс с его загадочным “бардотом”, полное название которого так и не удалось разглядеть. Исчезло абсолютно всё в блаженно-вязкое неведение небытия.

Лишь впереди в кромешной тьме брезжила белесая точка. Станислав остатками себя понял, что точка - это и есть она сам, а здесь, где он думает и смотрит, его, на самом деле, вовсе даже нет. Вдруг точка начала приближаться. Одновременно вернулась просто невыносимые тяжесть, слабость и головокружение. Над нашим героем стояло существо в белоснежном одеянии, сиявшем и мерцающем то ли само по себе, то ли от того, что никак не удавалось сфокусировать взгляд ни на чём.

- Что такое случилось, где это я? - тихо простонал Слава.

- Всё хорошо, у Вас был аппендицит, осложнённый перитонитом, запустили вы его, батенька, надо было сразу к нам обращаться. Нам требовалось провести более длительную по времени и более трудозатратную операцию, чем обычно, поэтому пришлось Вам поставить Вам двойную дозу кетамина с фенциклидином, и Вы ещё немного не отошли от операции, хоть и очнулись. Сейчас уже нет повода для беспокойства - всё нормально, жить будете. Отдыхайте, поправляйтесь. Ещё пара недель - и мы Вас выпишем.

*Белоусов Роман,  
02 ноября 2014 года.*